

Предисловие «Полки»

*Безжалостно написанная хроника распада
и гибели дворянской семьи. Одна из самых
беспросветных книг — и в творчестве
Салтыкова-Щедрина, и в истории русской
литературы.*

Игорь Кириенков

История угасания и смерти зажиточного дворянского рода — в лице властной помещицы Арины Петровны Головлевой, ее мужа, детей и внуков. Роман о вырождении, одиночестве и насилии — прежде всего психологическом. Современники увидели в «Господах Головлевых» беспощадное описание России накануне и после отмены крепостного права; потомки могут прочесть книгу как пугающе точный текст о дисфункциональной семье, токсичных отношениях и депрессии.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Салтыков-Щедрин работал над «Головлевыми» с осени 1875-го до весны 1880 года. Впервые главные герои будущей книги появились в рассказе «Семейный суд», опубликованном в цикле сатирических очерков «Благонамеренные речи». Автор был не слишком доволен текстом — в письме Некрасову он сокрушался: «Кажется, что неуклюж и кропотливо сделан. Свободного, легкого творчества нет».

Высокая оценка, которую дали «Суду» критики и корреспонденты Салтыкова-Щедрина, если не изменила его мнения, то по крайней мере побудила писать дальше. В конечном счете рассказы о Головлевых совершенно отделились от «Речей» («...Нужно было бы печатать их под особой рубрикой: “Эпизоды из истории одного семейства”», — писал автор) и — после основательных правок и переделок — стали главами романа «Господа Головлевы».

Салтыков-Щедрин называл «Господ Головлевых» «общественным романом». Это определение можно трактовать двояко. С одной стороны, оно предполагает внимание к актуальным социальным проблемам и обличение современного писателю общества: «На принцип семейственности написаны мною “Головлевы”», — объяснял Салтыков-Щедрин адвокату и публицисту Евгению Утину 2 января 1881 года. С другой — эта форма позволяет писателю соединить беллетристику и публицистику, напряженный сюжет и дидактические отступления, психологизм и проповедь.

На протяжении всего романа основное повествование перемежается авторскими замечаниями, наблюдениями и уточнениями. Регулярно нарушая герметичность рассказа, Салтыков-Щедрин снабжает текст обобщающими пассажами и тем самым указывает на типичность Головлевых — вспыльчивой и жестокой скопидомки Арины Петровны и ее детей: беспутного сына Степана, лицемера Порфирия, неспособного на поступки Павла и дочери Анны, которая против воли матери обвенчалась с уланом, родила близняшек Анниньку и Любиньку, потратила полученный от Арины Петровны капитал и после исчезновения мужа скончалась. Все это позволяет читать книгу и как вариацию общественно-политического романа второй половины XIX века, и как своеобразную версию высокого реализма Тургенева, Гончарова и Толстого — только более трансгрессивную и жестокую по отношению к действующим лицам.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Отмена крепостного права в 1861 году — и формирование совершенно новых экономических и психологических отношений между дворянами и крестьянами. Poleмика о кризисе семьи, которая развернулась в российской прессе и беллетристике в 1870-е годы — от статей в консервативном «Русском мире», устанавливающих прямую связь между «силой и крепостью семейного союза» и стабильностью государства, до «Анны Карениной», которая проблематизировала светский брак. Современная западная проза, посвященная той же теме: как раз в эти годы во Франции выходит многотомная сага Эмиля Золя «Ругон-Маккары», а «Вестник Европы» публикует русский перевод его «Парижских писем», в которых писатель размышляет об экономическом расчете, лежащем в основании современной семьи. Более ранние произведения самого Салтыкова-Щедрина — в частности, заглавная героиня очерка «Госпожа Падейкова» (1859), переживавшая, что после крестьянской реформы ее крепостная Феклуша «с барыней за одним столом будет сидеть», очень напоминает Арину Головлеву, которая в канун манифеста Александра II предается таким же размышлениям: «Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой... а может, и Агафьей Федоровной величать придется!»

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Большая часть рассказов, которые составили роман, была опубликована в «Отечественных записках» в 1875–1876 годах, развязка — «Решение» — в мае 1880-го

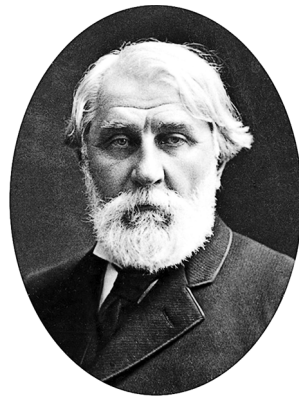
в том же журнале. Готовя первое книжное издание, Салтыков-Щедрин значительно их переработал, изменил некоторые названия (рассказ «Перед выморочностью» стал главой «Племяннушка», «Семейные радости» — «Недозволенными семейными радостями», «Решение» — «Расчетом»), уточнил мелкие детали (сумму, которую растратил первый сын Порфирия Владимировича Петенька; имя его второго ребенка, Володеньки), но сохранил, по-видимому случайно, одну хронологическую несуразность (в тексте сказано, что 53-летний Порфирий Владимирович, который 10 лет назад вышел в отставку, провел «в тусклой атмосфере департамента» более 30 лет). Отдельной книгой «Головлевы» вышли в июле 1880 года в издательстве Александра Суворина. Через три года автор подготовил вторую редакцию романа — с небольшими изменениями в главе «По-родственному» и общей стилистической правкой; именно эту версию и воспроизводят все последующие издания «Головлевых».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

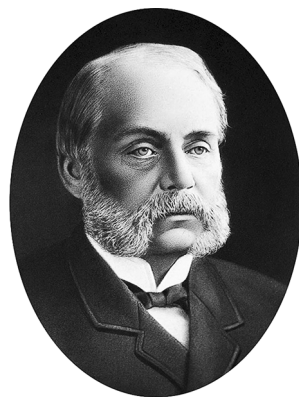
Салтыков-Щедрин стал получать восторженные отзывы сразу после выхода «Семейного суда». Тургенев особенно оценил образы Арины Петровны и Степана Владимировича и, вероятно, одним из первых натолкнул автора на мысль написать «крупный роман с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением». Соредактор Некрасова и Салтыкова-Щедрина по «Отечественным запискам» Григорий Елисеев тоже похвалил рассказ, но признался, что

предпочитает «статьи, которые соприкасаются с вопросами и явлениями текущего времени». Критики «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Русского мира» увидели в истории Головлевых обращение к «временам покойного крепостного права» и вылазку «в область невозвратно прошедшего времени» и интерпретировали новую вещь Салтыкова-Щедрина как отказ работать с современными проблемами. На анахроничность сюжета для литературы середины 1870-х указывал и публицист-народник Александр Скабичевский: «Это бытовая повесть и, если хотите, историческая, потому что рисует нам нравы отжившего прошлого».

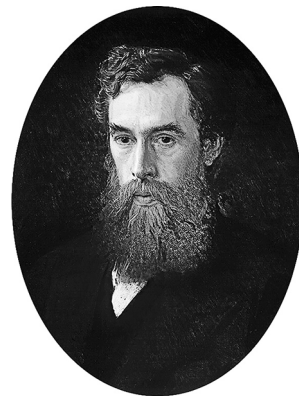
Примечательно, что никто из рецензентов даже не сомневался в продолжении. Печатные отзывы на цикл о Головлевых выходили после каждого нового рассказа; автор продолжал получать письма от знакомых. Прочитав в сентябре 1876 года «Выморочного», поэт Алексей Жемчужников отметил в фигуре Порфирия Владимировича (или Иудушки, как прозвали его в семье) сочетание «почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом». Гончаров, со своей стороны, предположил, что в конце концов этот персонаж «потеряет все нажитое, перейдет в курную избу и умрет на навозной куче». Тот же Скабичевский проводил параллели между Салтыковым-Щедриным и великими сатириками прошлого — Рабле, Мольером, Свифтом, Грибоедовым и Гоголем; другие авторы больше внимания уделяли героям и приветствовали появление Иудушки в галерее «вполне русских культурных типов» наравне с Ноздревым и Плюшкиным. Историю Головлевых читали не только литераторы, но и другие представители

Иван Тургенев

Иван Гончаров

Иван Крамской. Портрет П. М. Третьякова

культурной элиты. Еще после публикации «Семейных итогов» 9 апреля 1876 года коллекционер Павел Третьяков написал художнику Ивану Крамскому о Салтыкове-Щедрине: «До настоящего времени я его считал только прекрасным сатириком и, даже замечая повторение одного и того же, некоторое время не все читал даже, теперь же после таких типов, как Иудушка и маменька, да и вообще — мастерского рассказа, я его ужасно высоко ставлю и вперед не пропущу ни одной статьи его».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Осенью 1880 года — через несколько месяцев после выхода книжного издания «Головлевых» — Николай Куликов поставил по книге спектакль в частном московском театре Анны Бренко^{*1}. Роль Иудушки исполнил Василий Андреев-Бурлак — один из самых ярких русских актеров последней трети XIX века. С тех пор щедринский роман неоднократно инсценировали: можно вспомнить постановки Евгения Весника и Николая Александровича (Малый театр, 1978-й), Льва Додина (МХАТ, 1984-й) и Кирилла Серебренникова (МХТ им. Чехова, 2005-й) и телеспектакль Юрия Малайского (ЛенТВ, 1969-й).

«Головлевых» дважды экранизировали — в 1933 году (под названием «Иудушка Головлев», режиссер Александр Ивановский) и в 2010-м (постановщица Александра Ерофеева).

Михаил Салтыков-Щедрин продолжил писать сказки и сочинил еще два романа — «Убежище Монрепо» и «Пошехонская старина». Он умер в 1889 году и был похоронен на Волковском кладбище рядом с Тургеневым.

В 1914 году, к 25-летию со дня смерти писателя, в «Русском богатстве» была опубликована глава «У пристани» — финал истории Головлевых, который был написан на рубеже 1876/77-го и не устроил Салтыкова-Щедрина.

Влияние «Господ Головлевых» на русскую литературу можно проследить вплоть до последних десятилетий. Такие знаковые тексты, как «Детство Темы» Николая Гарина-Михайловского (1892), «Мелкий бес» Федора Сологуба (1905), «Уездное» Евгения Замятина (1912), «Детство» Максима Горького (1913), «Елтышевы» Романа Сенчина (2009), написаны с учетом романа Салтыкова-Щедрина. При всей непохожести друг на друга они выдержаны в мрачных тонах и развивают темы и мотивы «Головлевых»: распад старого быта, насилие в семье, утрата смысла жизни.

ЭТО ЦЕЛЬНЫЙ РОМАН ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ СЕМЬИ?

Структура «Господ Головлевых», в которой нет привычных глав или частей, а есть рассказы со своими собственными названиями, связана с особенностями написания и публикации книги.

^{*1} Анна Алексеевна Бренко (1848–1934) — русская и советская актриса, режиссер и драматург. В 1873 году дебютировала на сцене Малого театра. В 1880-м вместе с мужем Осипом Левенсоном открыла первый в Москве частный театр — Драматический театр А. А. Бренко в доме Малкиеля. В 1882 году Бренко и Левенсон закрыли театр из-за убытков.

Василий Максимов. Всё в прошлом. 1889 год

Выпуская «Семейный суд» и «По-родственному», автор еще не подозревал, что история Головлевых разрастется до размеров романа-хроники. Когда Салтыков-Щедрин решил соединить рассказы в единый текст, он сохранил за каждым из них не только заглавие, но и что-то вроде ведущей темы — и главных героев. Так, например, «Семейный суд» главным образом посвящен Степану Владимировичу и его попыткам вернуться в семью Головлевых. «Недозволенные семейные радости» — история беременности и родов экономки Евпраксеюшки, любовницы Порфирия Владимировича. «Расчет» в значительной степени повествует о том, как сложилась судьба Анниньки и Любиньки. Такое устройство книги позволяет читателю следить за конкретными сюжетами

и параллельно держать в уме историю целиком — роман кажется не столько дробным, сколько подробным.

НАСКОЛЬКО АВТОБИОГРАФИЧНЫ «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»?

Близко знавший Салтыкова-Щедрина врач Николай Белоголовый писал, что по этой книге можно составить довольно убедительное представление об отношениях внутри «дикой и нервной» семьи писателя. Как и у Головлевых, в доме Салтыковых было принято деление на «постылых» детей и «любимчиков». Исследователи считают мать автора Ольгу Михайловну прямым прототипом Арины Петровны: властная, нетерпимая к непослушанию женщина,

она вела дела примерно в том же стиле, что и героиня романа. В свою очередь, отец писателя Евграф Васильевич, по всей видимости, стал прообразом ни на что не влияющего Владимира Михайловича Головлева, а его набожность и ханжество достались Порфирию Владимировичу.

Еще один прототип этого героя — брат автора Дмитрий Евграфович, «злой демон» и любитель кляуз, с которым он несколько лет вел тяжбу о наследстве. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, Салтыков-Щедрин называл брата Иудушкой ещё в 1863 году. 13 ноября 1875 года в несохранившемся письме юристу Алексею Унковскому Салтыков-Щедрин прямо признался, что вывел Дмитрия Евграфовича в образе лицемера Порфирия Владимировича. Щедриноведы считают, что писатель также спародировал путаную, пустопорожнюю речь своего брата, когда сочинял тирады Иудушки.

ПОЧЕМУ ПОРФИРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА НАЗЫВАЮТ ИУДУШКОЙ?

«Иудушка», «кровопивушка» и «откровенный мальчик» — эти три прозвища еще в детстве дал Порфирию его старший брат Степан. Все дело в том, что с ранних лет он научился заискивать перед матерью и влиять на ее решения. Арина Петровна с подозрением относилась к своему среднему сыну: она подозревала, что за его наигранной кротостью и лаской может скрываться расчетливая натура, — и оказалась права.

Очень показательно, что героя называют именно Иудушкой: Порфирий — не антигерой Нового Завета, много

столетий будораживший умы писателей и художников, а всего лишь мелкий «пакостник, лгун и пустослов». Уменьшительный суффикс в его имени — это не только признак его ничтожности, но и продолжение речевой манеры этого персонажа, напоминание о нестерпимо умильном тоне, который принят у Головлевых, где подают «поросеночка», просят «овсец» и ездят на «могилку».

Когда в первых отзывах на книгу Иудушку стали сравнивать с мольеровским Тартюфом, автор решил объяснить перед читателями — и поместил в рассказ «Семейный итог» размышление о том, чем французские лицемеры отличаются от русских. По словам автора, первые врут сознательно, рассчитывая извлечь из этого выгоду и поддерживая таким образом существующую модель общества. У русских нет никакой модели, которую они были бы готовы защищать, — и оттого их (и, в частности, Иудушкино) «беспредметное лганье» способно возбудить доuku и омерзение».

ПОЧЕМУ В «ГОСПОДАХ ГОЛОВЛЕВЫХ» ТАК МНОГО МЕСТА УДЕЛЕНО РЕЛИГИИ?

На протяжении всего романа автор отмечает, как приторная набожность Головлевых сочетается с бесчеловечными поступками: религия, которая должна смирять гнев, становится чуть ли не обоснованием для жестокости. Арина Петровна отказывается пускать на порог сына и кормить его, утверждая: «И люди меня за это не осудят, и Бог не накажет». В свою очередь, Порфирий Владимирович ходит на все службы, постоянно цитирует

Евангелие и не дает нуждающемуся сыну денег, напоминая, что «у Иова, мой друг, Бог и все взял, да он не роптал». Когда Евпраксеюшка мучительно рождает, Иудушка сначала отказывается прервать молитву, а после приказывает: «Пошлете за батюшкой, вместе помолитесь, лампадки у образцов засветите... а после мы с батюшкой чайку попьем!»

Порфирий Владимирович уверен — окружив себя иконами и бездумно исполняя все обряды, он автоматически обрел небесных заступников: «А чего мне страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругом?» Салтыков-Щедрин доходит до затаенных причин головлевской религиозности, не имеющих никакого отношения к вере и благочестию: Иудушка «молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с Ним, а потому, что боялся черта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого». Эта ложь и разрушает героя: в финальной главе он оказывается в одиночестве. Понимание истинного смысла таинств и центрального христианского сюжета — «неслыханная неправда, совершившая кровавый суд над Истиной» — настигает Порфирия Владимировича только на последней неделе жизни, когда будет уже слишком поздно.

КАК САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН СОЗДАЕТ ТАКУЮ БЕСПРОСВЕТНУЮ АТМОСФЕРУ?

«Господа Головлевы» особенно убедительны в том, что касается пограничных состояний человеческой психики: автор выпукло описывает одичание, утрату

интереса к жизни и тягу к саморазрушению — и способен заразить этими настроениями читателя. Салтыков-Щедрин добивается этого несколькими способами. Прежде всего он часто употребляет слова «смерть», «гибель» и их производные: они встречаются в тексте по меньшей мере сто раз. Во-вторых, на близость смерти намекает сам вид поместья Головлевых (оно напоминает Степану Владимировичу гроб) и погода (в последней главе романа писатель сравнивает снежный покров с саваном — белым одеянием, которыми накрывают покойников). В-третьих, в романе есть несколько пугающих галлюцинаций: «зловеще-лучезарная» бесконечная пустота, преследующая Степана Владимировича, рой теней, окружающий Павла Владимировича, серые призраки головлевского рода, которых видит Порфирий Владимирович незадолго до финала. Наконец, особенно мощный эффект производит структура глав. Как правило, история разворачивается от конца к началу: самый яркий пример — «Расчет», в котором Аннинька сначала приезжает «умирать» к дяде в Головлево, а уже потом мы узнаём, почему она не смогла добиться успеха в театре. Читатель все время догоняет героев во времени и пространстве, попутно ловя себя на мысли о том, что их жизненный крах был неизбежен.

ЕСТЬ ЛИ В КНИГЕ СИМПАТИЧНЫЕ АВТОРУ ГЕРОИ?

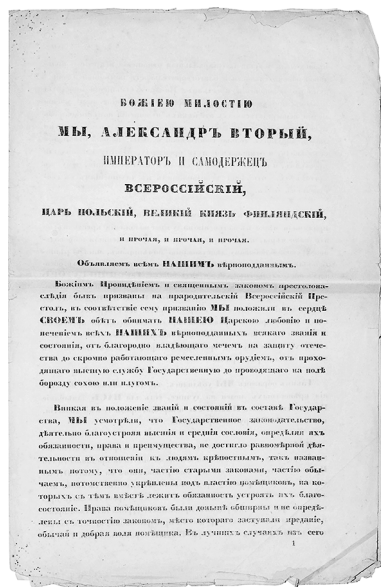
«Господа Головлевы» — роман о дурной бесконечности насилия, в котором жертвы не могут оправиться от полученных в детстве психологических травм

и постепенно опускаются — или сами становятся мучителями. Проследивая судьбы детей и внуков Арины Головлевой, Салтыков-Щедрин отмечает их неспособность построить карьеру — будь то бюрократическая (Степан Владимирович) или актерская (дочери покойной Анны Владимировны Любинька и Аннинька, которые становятся содержанками вороватого земского деятеля Люлькина и нечистого на руку купца Кукишева). Писатель также отмечает их тягу к саморазрушению (Павел Владимирович) и бездушие по отношению к близким, включая собственных детей (Порфирий Владимирович). Салтыков-Щедрин безжалостен и к бывшим крепостным: Улитушка (бывшая любовница Порфирия) и Евпраксеюшка (мать его ребенка) научились у Головлевых вести «войну придинок, поддразниваний, мелких уколов» и принялись изводить друг друга и хозяев.

Между тем в книге есть персонаж, которого авторское презрение как будто миновало. Это трактирщик Иван Михайлович, рассказавший бурмистру Арины Головлевой Антону Васильеву о том, что полиция продала московский дом ее сына Степана. Рассвирепевшая («А почему он меня вовремя не предупредил?») Арина Петровна отдает приказ забрать Ивана Михайловича в рекруты, но неизвестно — по крайней мере в рамках романа, — был ли он в конечном счете исполнен. Мы знаем лишь, что «сердобольный трактирщик» довез Степана Владимировича до Головлева, «взявши для него место и уплачивая за его харчи в продолжение всей дороги», и расстался с героем и читателем на подъезде к усадьбе.

КАК НА ГЕРОЕВ РОМАНА ПОВЛИЯЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ЕГО ОТМЕНА?

Характер героев книги сформировала «школа крепостного права». Головлевы — в первую очередь мать семейства — привыкли властвовать, приказывать, приговаривать к наказаниям. Уже подготовка к крестьянской реформе распаляет воображение Арины Петровны: «То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут!» Она осознаёт, что у ее тирании больше не будет юридических оснований: «Как ты им что-нибудь скажешь! теперь они вольные, на них, поди, и суда нет!» Кроме того, обнаруживается, что без помощи прислуги Головлева не сможет себя обеспечить: «Ведь мы какое воспитание-то

Манифест Александра II об отмене крепостного права. 1861 год

получили? Поганцевать да попеть да гостей принять — что я без поганок-то без своих делать буду? Ни я подать, ни принять, ни сготовить для себя — ничего ведь я, мой друг, не могу!» Когда после размолвки с Порфирием Арина Петровна селится в поместье своего сына Павла на правах приживалки, «не имеющей никакого голоса в хозяйственных распоряжениях», меняется сам ее облик: «Голова ее поникла, спина сгорбилась, глаза потухли, поступь сделалась вялою, порывистость движений пропала».

Салтыков-Щедрин уверен: крепостные отношения растлили не только господ. Рассказывая историю крестьянки Улитушки, которая стремилась выслужиться перед Головлевыми, писатель напирает на ее «холопское честолюбие»: «Всеми качествами полезной барской слуги обладала она в совершенстве: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство». А описывая Евпраксеюшку — экономку Порфирия, ставшую любовницей хозяина, — автор делает акцент на ее «неразвитой натуре» и «врожденной дряблости характера». Когда Евпраксеюшка поднимает бунт против Порфирия, отдавшего их сына Володеньку в воспитательный дом, Салтыков-Щедрин отмечает лишь «упорство тупоумия», стремление «досадить, изгадить жизнь». Протест героини сводится к тому, что она млеет «в чаду плотского вожделения», заглядываясь на конторщика Игната, кучера Архипушку и плотника Илюшу, — до тех пор, пока Порфирий это не пресекает.

ЧЕМ ГОЛОВЛЕВО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОМЕСТИЙ, КОТОРЫЕ ОПИСЫВАЛИ ДРУГИЕ КЛАССИКИ?

К моменту публикации «Головлевых» в русской литературе сложился канон описания поместий и усадеб. «Дворянские гнезда» у Тургенева «овеваны поэзией природы, высоких человеческих чувств, искусства». Гончаровская Обломовка — патриархальная идиллия, в которой размеренность и неторопливость сочетаются с тщательной продуманностью внутреннего распорядка. Толстовские герои-дворяне (в первую очередь Левин) мечтают слиться с народной жизнью и трудятся вместе с крестьянами. Так или иначе, все эти имена — своего рода архетипический дом, воплощающий гармонию семейных отношений и, шире, быта.

Салтыков-Щедрин решительно порывает с этой традицией. Принадлежащие Арине Петровне и ее детям поместья — Головлево, Дубровино, Погорелка — описаны в исключительно мрачных тонах. Это касается как внешнего вида («Барская усадьба смотрела из-за деревьев так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного; но на него ее вид произвел действие медузиной головы»), так и царящей внутри атмосферы (любовница Порфирия Владимировича Евпраксеюшка боится, что ее зарежут, и не может заснуть по ночам: «Изо всех углов шепоты ползут!»). Головлевы на всем экономят: любимых детей здесь кормят кислым молоком и «протухлой солониной»; совсем другая диета у любимчиков: «Вот кабы ты повел себя скромненько да ладненько, ел бы ты и говядинку и телятинку,

Станислав Жуковский. Усадьба в зелени. 1906 год

а не то так и соусу бы приказал», — говорит Иудушка промотавшему свое состояние брату. Автор заключает: «Головлево — это сама смерть, злобная, пустоутробная... <...> ...все отравы, все язвы — все идет отсюда». Здесь герои впервые подвергаются вербальным и физическим унижениям — и сюда же приезжают умирать. Родовое поместье главных героев становится чем-то вроде замка в готической литературе — заколдованным местом, которое приносит его владельцам только несчастья, питается их жизненными силами и в конечном счете сводит в могилу.

В романе Салтыкова-Щедрина много комично-гротескных подробностей. Степан Владимирович носит неправдоподобно ветхую одежду: он приезжает в Головлево в «стоптанных, порыжелых и заплатах сапогах навыпуск», «совершенно затасканной серой ополченке,

галуны с которой содраны и проданы на выпивку» и рубашке-«блошнице». Арина Петровна постоянно использует уменьшительные суффиксы: «Куплю себе домичек, огородец выкопаю; капустки, картофельцу — всего у меня довольно будет!» В минуты возбуждения Порфирий Владимирович буквально истекает слюнями: «В глаза ее бросилось ослабляющееся, слюнявое лицо Иудушки, все словно маслом подернутое, все проникнутое каким-то плотоядным внутренним сиянием». Однако Салтыков-Щедрин пишет не только в комедийном регистре: когда дело доходит до болезни и смерти, которая настигает всех без исключения Головлевых, голос автора становится абсолютно серьезным. Такова и кульминация, в которой умирающий от «специального головлевского отравления» Порфирий задается вопросами: «Зачем он один? зачем

он видит кругом не только равнодушие, но и ненависть? отчего все, что ни прикасалось к нему, — все погибло?» Можно сказать, что роман существует в нескольких модусах — они меняются в зависимости от того, какую тему развивает писатель.

ЧТО ГУБИТ ГОЛОВЛЕВЫХ?

По ходу повествования читатель может самостоятельно составить представление о том, что привело героев к гибели. «Апатия властности», нелюбовь, жестокость, лицемерие — в книге нетрудно найти примеры, которые характеризуют эти и другие черты характера Головлевых. В последней главе романа «Расчет» автор берется рассуждать об этом лично — и приходит к довольно неожиданному выводу: всему виной «злополучный фагум».

Размышляя о том, что происходило в среде мелкопоместного дворянства до и после отмены крепостного права, писатель отмечает важность случая, счастливо сложившихся обстоятельств. Если в такой семье рождались «умницы» — способные и быстро схватывающие суть жизни дети, — у них появлялся шанс на перемену участи: хиреющий род мог превратиться в зажиточный. Зато те, кому не повезло, становились жертвами «не то невзгоды, не то порока»: поколение за поколением погрязали в праздности, неспособности к труду и пьянстве. Салтыков-Щедрин делает еще одно любопытное замечание: если бы не Арина Петровна, которая «довела уровень благосостояния семьи до высшей точки», Головлевы вымерли бы еще раньше; ее беда — в том,

что она «не передала своих качеств никому из детей» и позволила опутать себя «пустословием, пустомыслием и пустоутробием».

Это не снимает с героев ответственности за их поступки — скорее автор намекает на то, что при определенных обстоятельствах судьба могла сложиться иначе. Так в романе, который в целом построен на строгих причинно-следственных связях, появляется элемент иррациональности, что еще раз подчеркивает его двойную генеалогию: «Господа Головлевы» наследуют традиции французского натурализма и русского реализма.

РАСКАИВАЕТСЯ ЛИ ИУДУШКА В ФИНАЛЕ РОМАНА?

В главе «Расчет» Аннинька и Порфирий Владимирович — последние оставшиеся в живых Головлевы — вспоминают «старые умертвия и увечия», которые причинили друг другу члены этой семьи. В этот момент Иудушка чувствует «пробуждение одичалой совести». Автор очень сдержанно, если не сказать холодно, описывает его душевный переворот. Салтыков-Щедрин указывает на болезненное состояние героя («Человек видит себя в каменном мешке, безжалостно отданным в жертву агонии раскаяния, именно одной агонии, без надежды на возврат к жизни») и, по сути, анонсирует его самоубийство («...Никакого иного средства утишить эту бесплодную разъедающую боль, кроме шанса воспользоваться минутою мрачной решимости, чтобы разбить голову о камни мешка»). Как дидактик писатель бесконечно строг к своему

персонажу: «Повторяю: совесть проснулась, но бесплодно». Как художник он не показывает прозревшего Иудушку ни жалким, ни смешным. В его последних репликах нет прежней «блудливой уклончивости и фамильярности»; он не сюсюкает, не лицемерит и, оказавшись на всеобщей в конце Страстной недели, кажется, впервые задумывается о жертве,

которую принес Христос. Автор решительно отвергает всякие параллели между Иисусом и Порфирием Владимировичем и в то же время пишет о том, что именно у «образа Искупителя в терновом венце» Иудушка искал поддержки в свои последние часы — перед тем как в одном халате выйти на улицу под ливни талого мартовского снега.

Господа
ГоловлевЫ

Семейный суд

Однажды бурмистр из дальней вотчины, Антон Васильев, окончив барыне Арине Петровне Головлевой доклад о своей поездке в Москву для сбора оброков с проживающих по паспортам крестьян и уже получив от нее разрешение идти в людскую, вдруг как-то таинственно замялся на месте, словно бы за ним было еще какое-то слово и дело, о котором он и решался и не решался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малейшие телодвижения, но и тайные помыслы своих приближенных людей, немедленно обеспокоилась.

— Что еще? — спросила она, смотря на бурмистра в упор.

— Все-с, — попробовал было отвильнуть Антон Васильев.

— Не ври! еще есть! по глазам вижу!

Антон Васильев, однако ж, не решался ответить и продолжал переступать с ноги на ногу.

— Сказывай, какое еще дело за тобой есть? — решительным голосом прикрикнула на него Арина Петровна, — говори! не вялай хвостом... сумá переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людям, составлявшим ее административный и домашний персонал. Антона Васильева она прозвала «переметной сумой» не за то, чтоб он в самом деле был когда-нибудь замечен в предательстве, а за то, что был слаб на язык. Имение, в котором он управлял, имело своим центром значительное торговое село, в котором было большое число трактиров. Антон Васильев любил попить чайку в трактире, похвастаться всемогуществом своей барыни и во время этого хвастовства незаметным образом провирался. А так как у Арины Петровны постоянно были в ходу различные тяжбы, то частенько случалось, что болтливость доверенного человека выводила наружу барынины военные хитрости прежде, нежели они могли быть приведены в исполнение.

— Есть, действительно... — пробормотал наконец Антон Васильев.

— Что? что такое? — взволновалась Арина Петровна.

Как женщина властная и притом в сильной степени одаренная творчеством, она в одну минуту нарисовала себе картину всевозможных противоречий и противодействий и сразу так усвоила себе эту мысль, что даже побледнела и вскочила с кресла.

— Степан Владимырьч дом-то в Москве продали... — доложил бурмистр с расстановкой.

— Ну?

— Продали-с.

— Почему? как? не мни! сказывай!

— За долги... так нужно полагать! Известно, за хорошие дела продавать не станут.

— Стало быть, полиция продала? суд?

— Стало быть, что так. Сказывают, в восьми тысячах с аукциона дом-то пошел.

Арина Петровна грузно опустилась в кресло и уставилась глазами в окно. В первые минуты известие это, по-видимому, отняло у нее сознание. Если б ей сказали, что Степан Владимырьч кого-нибудь убил, что головлевские мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину или что крепостное право рушилось, — и тут она не была бы до такой степени поражена. Губы ее шевелились, глаза смотрели куда-то вдаль, но ничего не видели. Она не заметила даже, что в это самое время девчонка Дуняшка ринулась было с разбега мимо окна, закрывая что-то передником, и вдруг, завидев барыню, на мгновение закружилась на одном месте и тихим шагом поворотила назад (в другое время этот поступок вызвал бы целое следствие). Наконец она, однако, опаматовалась и произнесла:

— Какова потеха!

После чего опять последовало несколько минут грозowego молчания.

— Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? — переспросила она.

— Так точно.

— Это — родительское-то благословение! Хорош... мерзавец!

Арина Петровна чувствовала, что, ввиду полученного известия, ей необходимо принять немедленное решение, но ничего придумать не могла, потому что мысли ее путались в совершенно

противоположных направлениях. С одной стороны, думалось: «Полиция продала! ведь не в одну же минуту она продала! чай, опись была, оценка, вызовы к торгам? Продала за восемь тысяч, тогда как она за этот самый дом, два года тому назад, собственными руками двенадцать тысяч, как одну копейку, выложила! Кабы знать да ведать, можно бы и самой за восемь-то тысяч с аукциона приобрести!» С другой стороны, приходило на мысль и то: «Полиция за восемь тысяч продала! Это — родительское-то благословение! Мерзавец! за восемь тысяч родительское благословение спустил!»

— От кого слышал? — спросила наконец она, окончательно остановившись на мысли, что дом уже продан и что, следовательно, надежда приобрести его за дешевую цену утрачена для нее навсегда.

— Иван Михайлов, трактирщик, сказывал.

— А почему он вовремя меня не предупредил?

— Поопасился, стало быть.

— Поопасился! вот я ему покажу: «поопасился»! Вызвать его из Москвы, и как явится — сейчас же в рекрутское присутствие и лоб забрить! «Поопасился»!

Хотя крепостное право было уже на исходе, но еще существовало. Не раз случалось Антону Васильеву выслушивать от барыни самые своеобразные приказания, но настоящее ее решение было до того неожиданно, что даже и ему сделалось не совсем ловко. Прозвище «сумá переметная» невольно ему при этом вспомнилось. Иван Михайлов был мужик обстоятельный, об котором и в голову не могло прийти, чтобы над ним могла стрястись какая-нибудь беда. Сверх того, это был его приятель душевный и кум — и вдруг его в солдаты, ради того только, что он, Антон Васильев, как сумá переметная, не сумел язык за зубами попридержать!

— Простите... Ивана-то Михайлыча! — заступился было он.

— Ступай... потатчик! — прикрикнула на него Арина Петровна, но таким голосом, что он и не подумал упорствовать в дальнейшей защите Ивана Михайлова.

Но прежде, нежели продолжать мой рассказ, я попрошу читателя поближе познакомиться с Ариной Петровной Головлевой и семейным ее положением.

Арина Петровна — женщина лет шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей воле. Держит она себя грозно; единолично и бесконтрольно управляет обширным головлевским именем, живет уединенно, расчетливо, почти скупое, с соседями дружбы не водит, местным властям доброхотствует, а от детей требует, чтоб они были в таком у нее послушании, чтобы при каждом поступке спрашивали себя: что-то об этом маменька скажет? Вообще имеет характер самостоятельный, непреклонный и отчасти строптивый, чему, впрочем, немало способствует и то, что во всем головлевском семействе нет ни одного человека, со стороны которого она могла бы встретить себе противодействие. Муж у нее — человек легкомысленный и пьяненький (Арина Петровна охотно говорит об себе, что она — ни вдова, ни мужняя жена); дети частью служат в Петербурге, частью — пошли в отца и, в качестве «постылых», не допускаются ни до каких семейных дел. При этих условиях Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, так что, говоря по правде, даже от семейной жизни совсем отвыкла, хотя слово «семья» не сходит с ее языка и, по наружности, всеми ее действиями исключительно руководят непрерывные заботы об устройстве семейных дел.

Глава семейства, Владимир Михайлыч Головлев, еще смолodu был известен своим безалаберным и озорным характером, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и деловитостью, никогда ничего симпатичного не представлял. Он вел жизнь праздную и бездельную, чаще всего запирался у себя в кабинете, подражал пению скворцов, петухов и т.д. и занимался сочинением так называемых «вольных стихов». В минуты откровенных излияний он хвастался тем, что был другом Баркова и что последний будто бы даже благословил его на одре смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стихов своего мужа, называла их паскудством и паясничаньем, а так как Владимир Михайлыч собственно для того и женился, чтобы иметь всегда под рукой слушателя для своих стихов, то понятно, что размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разрастаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились, со стороны жены, полным и презрительным равнодушием к мужу-шуту, со стороны

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru